

— Рафаэль, иди.

Канна, вместо того чтобы обратиться к Орсини и его впустить, провожала Рафаэля.

— Не волнуйся и иди.

Рафаэль вежливо ей поклонился.

Только после того как он ушел, Канна перевела взгляд на Орсини.

—

`Не хочу с ним говорить`.

Канна на него взглянула, как на насекомое, и вернулась в комнату.

Но Орсини последовал за ней.

— Черт, что? Зачем вошел?

Орсини пропустил мимо ушей все ее слова и стал осматривать комнату.

Он взглянул на опрятную кровать и сразу же на диван.

И затем рассмеялся, обнаружив флакон с лекарством и окровавленную повязку.

— Почему этот ублюдок приходит сюда и получает лечение? Ну конечно, ты же лекарь, помогающий всем без исключения.

Не стоило и отвечать.

Канна потребовала, указывая на дверь комнаты.

— Сгинь.

Но Орсини, не последовав ее просьбе, развалился на диване.

'Орсини, снова ты испоганил мой диван'.

На днях она его поменяла, потому что этот ублюдок до него дотронулся, но он вновь уселся!

Орсини комфортно устроился и потянулся за закусками, которыми наслаждались те двое. Он взял несколько целых печенек и захрустел ими во рту.

Глядя на Канну.

— ...

Хрусть-хрусть.

Жевание печенья действовало ей на нервы.

— Что ты творишь?

— Они выглядели весьма аппетитными.

Он небрежно смахнул крошки с губ.

— Почему? Тебе жалко для меня какого-то печенья?

— Уходи, если нет ко мне дела.

— У меня. Есть. Много. Дел.

Он внезапно подогнул правую брючину до колен.

Когда его крепкие бедра наполовину обнажились, Канна бессознательно отвела взгляд.

— Эй, посмотри сюда.

— Что?

— Посмотри, что у меня из-за тебя.

Переведя взор, она увидела.

Небольшую, но довольно глубокую рану.

— Ты помнишь?

Но Канна вместо ответа посмотрела ему в глаза.

Тогда ей слышалось, как в ушах отчетливо барабанил дождь.

Льющийся дождь, словно разрывая тело на части, хлюпающие в грязи ноги и сдавшийся Орсини, смотрящий на нее.

Канна, презирая Орсини, очень хладнокровно топтала его бедро.

Острым тонким каблуком она с силой впивалась в его плоть.

Но он спокойно принял всю боль, не поведя и бровью.

Потому она не знала, что останется столь глубокая рана.

Канна непрерывно заморгала.

Она вспомнила, как тогда внутри нее бушевало пламя гнева.

Честно говоря, в то время погода была не такой уж и холодной.

— Ну и что?

Канна сухо выдавила ответ.

— Хочешь услышать извинения?

— Не нужны мне твои жалкие извинения.

— Тогда зачем мне показал?

— По крайней мере я имею право лечиться у тебя.

Он неторопливо облокотился на диван. И указал на рану выше колена.

— Так уж и быть. У меня есть необходимое лекарство и бинты.

— ...

— Так...может, дело в том, что тот ублюдок имеет право, а я нет?

— Не говори, что он ублюдок.

В тот момент чувства, отражающиеся в глазах Орсини, тут же изменились.

— Что?

— Рафаэль. Это не ублюдок. Это Рафаэль.

— Перестань нести чушь.

Он небрежно взъерошил волосы, словно удивился необычной детали.

— Какое тебе дело, что я называю твоего личного священника ублюдком?

— Мне было бы плевать, если бы ты не вошел в мою комнату.

Канна уже переполнилась яростью, ибо этот разговор переходил все грани.

`Тебе нечем заняться, кроме этого? Если давит скука, найди себе женщину. От нечего делать ты приходишь сюда и затеваешь спор. Как по-дурацки`.

Канна цокнула языком.

— Я слышала, что есть несколько девушек, страдающих от любовной тоски и желающих, чтобы ты на них обратил внимание. Не стоит тратить нервы на женщину, которая для тебя ни семья, ни кто-либо еще.

Говорят, что есть много юных дам, чей разум одержим Орсини, несмотря на то, что им известен его свирепый нрав. Разумеется, его красота доминирует в их головах и отодвигает в самый потаенный уголок дерзость мальчишки.

Не то чтобы она не понимала их чувства. Потому что не было ничего плохого в одной лишь безупречной внешности.

— Я не хочу лечить кого-то вроде тебя. Так что не трать попусту время и убирайся.

Тогда Орсини саркастично рассмеялся.

— Людей должны осматривать, когда имитируют лекарей.

В тот момент гнев еще сильнее вспыхнул.

‘Может, просто ошпарить его горячим чаем?’

Канна взглянула на чашку, но, к сожалению, все уже было выпито.

— Ах, что ж, ладно. Хочешь, чтобы я тебя лечила?

Канна пробормотала и села возле него.

Когда тот ворчал и требовал лечения, она приблизилась с негодующим лицом.

‘Думаешь, я не найду способа причинить тебе боль?’

Выпала отличная возможность досадить Орсини, однако это было не в ее вкусе.

— Один раз помогу.

Канна протянула руку. И осторожно положила ее под рану, чуть выше колена.

Тогда она почувствовала, как под пальцами напрягся каждый мускул его тела.

— Рана глубже, чем я думала. Полагаю, было больно.

Она изобразила печаль, неся полную ложь.

‘Разумеется, мне все равно’.

Канна убрала руку.

И, стерев милую улыбку, безразлично промолвила.

— Иди.... Заплати деньги, если хочешь получить моего лечения.

После воцарилось долгое молчание.

Он сказал огруженным голосом, глаза на Канну.

— Сколько.

— 100 миллионов золотых.

— Хорошо.

— Что?

— Хорошо, говорю.

Канна уставилась на него, как на полного психа.

И все это ради того, чтобы затеять спор? Это разве нормально?

Да бред какой-то.

Но если это так...

— Извини. Я немного ошиблась с суммой. Я хотела сказать 500 миллионов золотых. К твоему сведению, я чеков не принимаю. Только наличные.

— Сегодня я принесу сумму.

Что за. Он вправду псих...

Какой дурак столько тратит за нанесение какого-то незначительного лекарства и дешевых бинтов!

Канна резко ответила, удивившись происходящему.

— Ты думаешь, я тут тебя развлекаю?

— Перестань трепать языком брехню и быстро меня исцели.

Это выглядит искренне.

Черт, безумие какое-то

У Канны не было желания его лечить.

'500 миллионов'.

Но деньги так ей и кричали: «Благодаря нам ты сможешь выбраться из этого места».

'Помочь всего один раз и получить при этом выгоду'.

И этот парень — наиглупейший дурак во всем мире.

Если он снимет такую огромную сумму, то, несомненно, его можно назвать самым главным простофилей!

— Хорошо, потом не меняй своих слов.

Канна тут же протянула руку к флакону. В момент, когда она наносила мазь.

Жестокая реальность дала ей подзатыльник.

'Ах, черт. Как трудно выживать'.

Исцеление ран Орсини.

Не кто иной, как Орсини!

В ней вздымалась злоба, потому Канна посильнее надавила рукой, нанося мазь.

Однако выражение лица Орсини не изменилось.

`Притворись больным, ублюдок`.

Затем распахнулась дверь.

Пришел Каллен.

— Каллен?

Пристально смотря на Канну и Орсини, он приблизился к ним, источая злость и холод.

— Чем вы занимаетесь?

— Каллен, что за внезапный приход...

Но Канна не смогла продолжить свою речь.

Глаза Каллена искрились и пылали.

Канна впервые увидела его таким разгневанным и недовольным.

— Почему сестра занимается чем-то подобным?

— «Чем-то подобным». Можно ли использовать такие слова в священном месте, предназначенном для лечения?

Орсини ехидно рассмеялся, ничуть не удивившись подходу Каллена.

— Возможно, ты не знал, что она мягкосердечный лекарь. Если человек ранен – она непременно ему поможет.

— В особняке проживает лекарь. Но достоин ли ты, столь гнусный человек, получать лечения у сестры?

Каллен выстрелил словами, тщательно пережевывая каждую букву и осуждая его в каждом слоге.

— Немедленно уберите руку, сестра.

Недовольство нахлынуло на Канну.

«Что она вообще творит? Что за приказы — сделай так, сделай эдак?»

Канна решила прояснить, что оказывает услугу. Она не хотела недопониманий.

— За лечение я получу 500 миллионов золотых. Так что не суй свой нос.

От этих слов губы Каллена широко открылись.

Похоже, от шока он потерял дар речи.

— 500 миллионов золотых?

Что ж, это превосходная сумма.

Не нашлось бы ни одного, кто соизволил бы дать такую крупную сумму за обычное лечение.

— Да.

Канна мрачно ответила и даже нагло забинтовала рану.

В следующий момент все тело напряглось.

Подняв глаза, она до ужаса удивилась, как Каллен, будто собираясь до смерти растерзать, смотрит одним глазом на Орсини.

— Ты поступаешь очень мерзко, старший брат.

— Если будешь испытывать такую ненависть, тебе тоже станет больно.

У Канны возникло дурное предчувствие.

'Черт вас побрал, да неужели'.

Эти двое находятся на грани срыва и вот-вот вцепятся друг в друга.

'Только не в моей комнате'.

Нельзя же сломать после лаборатории еще и спальню!!

Канна поспешно закончила бинтовать и тут же вскочила.

— Все готово, так что уходи. Оба вон и чешите языками сколько вам угодно!

— Сестра, я вас предупреждаю, что не стоит это повторять с братом.

Каллен приказал, делая акцент на каждом слове.

— Вы поняли меня?

И Канна оторопела от этих слова.

Что?

Предупреждает?

— Что ты только что сказал?

Ему не следовало произносить этих слов.

Каллен прекрасно осознавал, что эти слова глубоко заденут Канну.

Младший брат, из кожи вон лезший, дабы угодить сестре, никогда бы не осмелился на такие речи.

Но теперь все иначе.

Все полностью иначе.

— Вы хотите, чтобы я повторил?

Его гнев был обращен не только на Орсини.

Из глаз сияли искры пламени.

Бурный порыв гнева и чувства, готовые сокрушить все вокруг, изливались и на Канну.

— Впредь никогда не смейте прикасаться к телу брата. Никогда.

<http://tl.rulate.ru/book/46467/1616367>